

Артём КУЛЯБИН

г. Сокол,
Вологодская область

Сквозняки времени

От Спрута до Швецова

В одном из знаменитых программных стихотворений Николая Рубцова есть парадоксальная, на первый взгляд, фраза о поэзии:

*...И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё.*

Быть зависимым от поэзии, как, скажем, от наркотика (прошу прощения за такое сравнение) – участь избранных. Здесь имеется в виду, конечно, полная зависимость, которую иные критики называют «беззаветным служением». То есть человек живёт (речь, главным образом, идёт о духовном мире) одной поэзией, чью волю преодолеть не в силах. И заметнее это становится после его ухода из жизни.

Уходит человек, и начинается другой отсчёт: пять лет, десять... Пятнадцать лет нет с нами русского поэта Александра Швецова. Трудную биографию поэта восстановить несложно: остались многочисленные воспоминания, есть официальные документы, наконец. С поэтической биографией сложнее: можно, конечно, собрать книги, газетные и журнальные публикации, письма и т.д., но способны ли они отразить масштаб поэтической личности? В какой-то степени – да. А вот в полной мере – едва ли. И причин здесь множество: от конкретных до глобальных. Но, так или иначе, приступить к этой работе необходимо...

Чтобы Швецов стал Швецовым, потребовалось время. Пусть и не такое длительное, как некоторым другим авторам. Поэтому вряд ли можно согласиться с теми, кто утверждает, что Швецов «пропустил период скромного подбирания красок». Период ученичества, творческих исканий собственного пути был. Он растянулся на несколько лет. Об этом свидетельствуют стихи, опубликованные в местной периодике конца 60-х – начала 70-х годов. Первая публикация состоялась в далёком 1968 году: на страницах районной газеты «Сокольская правда» появилось стихотворение Швецова «За солнечным дождём» под псевдонимом А.Спрут. Спустя месяц за подписью «А.Спрут» вышло новое стихотворение, потом – другие, уже под настоящей фамилией. Что их объединяет? Оптимизм молодости: о чём бы ни писал юный автор (о любви, о родине, о стройотряде и т.д.), практически везде читатель находит яркие мажорные краски. Пожалуй, лишь стихи о войне («Хатынь», «Рассказ деда», «Мальчишки» и др.) несколько выбиваются из этого ряда.

Вряд ли первые стихи Швецова нуждаются в строгом художественном разборе. Даже невзыскательный критик легко обнаружит в них общие для многих начинающих авторов недостатки: и чрезмерную описательность, и неоригинальные рифмы типа «любовь – вновь», и декларативный пафос. Вероятно, всё это – издержки роста (первые стихи появились в печати, когда их автор ещё

учился в школе). Очевидно, автор методом проб и ошибок искал себя. Например, целый цикл стихов посвящён студенческому отряду «Альтаир 71». Стихи эти («Ну-ка, дед, принимай матрасы», «Мы студенты – народ бедовый» и др.) проникнуты духом комсомольской романтики, кое-где в них чувствуются эстрадные интонации. Это не случайно: на 70-е пришёлся «пик» комсомольских строек, со сцен, из репродукторов, с телеэкранов лились потоки жизнеутверждающей музыки. И всё же востребованная газетами производственная героика не стала темой Швецова. Он пошёл по другому пути.

Может быть, не стоило бы и вспоминать эти несколько десятков первых стихотворений поэта, увидевших свет в местной периодике. Но они интересны и важны прежде всего как этап творческого становления, формирования мировоззренческих установок. Уже тогда сквозь пафос юношеского максимализма угадывалась талантливая личность настоящего поэта, который спешит золотой тропой за солнечным дождём или идёт встречать красавицу весну. И ветер сладко зевает старой калиткой, и отчий дом стариковски сутулится – живое и образное восприятие окружающего мира свидетельствовало о неплохих перспективах.

Три книжки счастливых лет

Перспективы были удачно реализованы Швецовым в конце 70-х – начале 80-х годов. Пожалуй, этот период стал наиболее счастливым в творческой жизни поэта. Одна за другой выходят три книжки, их автора принимают в Союз писателей, что даёт возможность полностью посвятить себя литературной работе.

В статьях о Швецове многие вспоминают его судьбоносную встречу с поэтом-фронтовиком Николаем Старшиновым, сыгравшим роль своеобразного наставника молодого коллеги. В 1979 году Швецов становится участником VII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве. О поэте упоминает газета «Правда» – это, по понятиям того времени, было своего рода официальным признанием. В этом же году выходит первая книжка (точнее – тридцатистраничная брошюра) «Крылатый снег» в столичном издательстве «Молодая гвардия» огромным, по современным меркам, тиражом 30 тыс. экз. Не удивительно, что практически ни одно из первых стихотворений, о которых шла речь выше, не вошло в книжку. Кри-

тика встретила сборник довольно сдержанно, но в целом доброжелательно. Рецензенты Василий Оботуров и Василий Елесин сошлись во мнении, что шестнадцать представленных в сборнике стихотворений неравноценны. Тем не менее и тот, и другой критик обратили внимание на талантливые поиски автором своего слова. Василий Оботуров, высказавший целый ряд замечаний, отметил, что сборник воспринимается «свежо и неожиданно». Василий Елесин, сожалея о том, что в книгу не вошли многие интересные стихи (кстати, поэт Виктор Коротаяев в предисловии к сборнику также отметил, что он «не может дать полного представления о работе молодого поэта»), подчеркивает, что поэт «набирает творческую силу».

Действительно, эти стихи более высокого художественного уровня. Некоторые из них («Живём на родине добром», «Весеннее», «Нетужило», «Вставала мама рано», «Виташка» и др.) вошли и в последующие сборники, что свидетельствует об их высокой авторской оценке. В стихах сборника – попытка осмыслить противоречивый мир в целом и судьбы отдельных людей. Швецову удастся сжато, несколькими штрихами нарисовать характер. Вот, например, неприязнительный деревенский мужичок Нетужило (чем-то похожий на рубцовского доброго Филю), у которого «всё хозяйство – верстачок, всё добро – медали». И сказано о нём совсем немного, 12 строк, а человек представляется зримо, его характер и даже судьба. Это же можно сказать и о Виташке – герое одноимённого стихотворения.

Швецов как проникновенный лирик тонко чувствует музыку стиха, широко используя приёмы звукописи. Вот примеры характерных аллитераций:

*Над весёлой речкой
Домик наш парил...
Крылышко крылечка,
Пёрышки перил...*

«Вторые сутки в мире...»

Или:

*Не забывая о России,
Сгорая в танках на снегу,
Из боя песню выносили!
А я из дому не могу...*

«Фронтовым поэтам»

Пишущие о Швецове нередко обращают внимание на интересный оксюморон:

*Сошли сугробы, обнажая
канавы, рывины, поля...
До безобразия живая
прекрасно выглядит Земля.*
«Весеннее»

Приём этот не единичный у Швецова. Использование оксюморонов (и шире – контрастов) позволяет автору достичь эффекта неожиданности, что, безусловно, влияет на читательское восприятие текста.

В первую книжку вошли отрывки из поэмы «Северные заруби» (полностью она будет опубликована в иной редакции в следующем сборнике). Поэма указывает векторы творческих интересов автора: история Русского Севера, этнография, фольклор. Швецов уносит читателя в Петровскую эпоху, в небольшой и «удивительный, словно музейный» город Мезень. Композиционно поэма включает восемь глав («зарубей»), зачин и эпилог. Сюжет составляют несколько действий: проводы в Мезени, хождение на Грумант (поморское название Шпицбергена), встреча с воеводой в Архангельске, постройка новых кочев. Главный герой – деятельный корабельщик Васья Кочин. Любопытна временная организация поэмы: в эпилоге читатель возвращается в современность и встречается с однофамильцем главного героя, молодым помором. Очевидно, здесь указание на преемственность поморских традиций.

Швецов в поэме удачно переосмысливает легенду о корабеле, но фольклорный пласт у него представлен своеобразно: прибаутки и присказки служат «мостиком» для перехода от одного действия к другому. Особую роль играет пейзаж – природа несёт смысловую нагрузку, соответствующую тому или иному действию. Поэт знакомит читателя с колоритной народной речью – в «Северных зарубях» много диалогов. Такая диалогичность и эпизодичность действий приближают эту поэму (да и другие тоже) к драматургии.

Поэма дала «имя» следующему сборнику Швецова («Северные заруби», 1980). Новых стихов в нём немного. В них всё отчётливее начинается поступать трагичность интонаций («Баллада о Васе», «Приходит вновь утопший друг», «Не спеши уходить...») Еще недавно такой оптимистичный, автор, одолеваемый сомнениями, уходит в скепсис:

*Может, завтра проснусь на рассвете седым
или, может, совсем не проснусь послезавтра.*
«Не спеши уходить...»

Читаешь это, и невольно наплывают есенинские строки:

*Может, завтра больничная койка
Успокоит меня навсегда.*
«Вечер чёрные брови насопил»

И Есенину, и Швецову не было и тридцати, когда из-под их пера появились такие схожие обыденно-трагичные строки. Что это: предчувствие собственной судьбы или нечто иное?..

Лирический герой Швецова всё чаще пребывает в состоянии глубокой задумчивости. Образ ветра и связанный с ним образ времени становится сквозным, переходит из одного стихотворения в другое («Зимние стихи», «Мороз и ветер. Ветер и мороз»). Одно из лучших стихотворений сборника – «Меня зовёшь, и я на полпути». Здесь поэтическое осмысление бытия удачно представлено как сопротивление человека ветрам судьбы. А человек этот у Швецова постоянно стремится куда-то уйти, убежать. Из своего поколения, времени – на огненный Арал или Ледовитый океан («Ворожба о Биармии»), «за море синее, в тайгу» («Мечты безжалостно расстроены»). Но, осознавая несбыточность мечтаний, горько констатирует:

*Вроде и крылья не связаны,
А улететь не могу...*
«Домик под старыми вязами»

Особняком в сборнике стоят стихотворение «Старики» и небольшая поэма «Молодо-зелено». В «Стариках» читатель найдёт юмор: диалог пожилой супружеской пары даёт повод для доброй улыбки. Поэма «Молодо-зелено» о студенческом стройотряде, может быть, менее удачна среди других произведений сборника из-за перенасыщения диалогами, какой-то торопливости, эскизности повествования.

Но, так или иначе, прав В.Пудожгорский, отмечавший в рецензии, что «три раздела книги Александра Швецова позволяют увидеть разные грани его таланта». «Будем ждать третьей книги А.Швецова», – отмечал В.Пудожгорский, словно зная, что это ожидание не станет долгим.

Уже спустя два года вышла следующая книга Швецова «Деревенский дневник». Тематически она заметно отличалась от двух предыдущих: в неё вошли преимущественно стихи о любви. К сожалению, во многих таких стихах – навязчивое однообразие, связанное с преобладающим мо-

тивом расставания. Вероятно, любовная лирика у Швецова не самая сильная, но, может быть, эти стихи были дороги автору по каким-то личным причинам. Где-то очевидно влияние Рубцова:

*Как будто прощаясь, гляжу на берёзы,
на чистые травы под сенью берёз.
И вот ощущаю невольные слёзы.
При виде таком невозможно без слёз.
«Как будто прощаясь...»*

Но, тем не менее, в сборнике немало поэтических удач. Многоцветная радуга выразительных средств подвластна поэту. Стилистическую экспрессию передаёт синтаксический параллелизм:

*Прослезилась утром –
Улыбнешься в полдень.
«Не грусти, сестрёнка!»*

*В крохотной баньке – и телу оттаивать,
В доме родительском – всякой душе.
«Деревенский дневник»*

*Родился я в большой семье!
А значит, выживу и в малой...
«Обед себе готовлю сам»*

*Уж много лет как нет войны,
хотя и мира нету.
«Всё шире шаг моей страны»*

Поэт емко сжимает мысль до размера формулы, афоризма. А это – верный признак поэтического мастерства.

Незамысловат сюжет поэмы «Деревенский дневник»: к матери в деревню из города приезжают погостить три взрослых сына, проходят знакомыми местами, встречаются с земляками, вспоминают далёкие годы детства, помогают совхозу на покосе, гуляют на празднике и уезжают домой. Вот, казалось бы, и всё. Но это только внешний, поверхностный пласт повествования. Есть и другой – внутренний, глубинный. В нём – трагедия вымирающей деревни:

*Деревня большая,
Дворов пятьдесят.
На многих замки
Вековые висят.*

Но память не закроешь на замок. Она живёт впечатлениями прошлого. В родной деревне всё

то и всё не то. И сами герои поэмы уже не те: в них ещё осталось крестьянское начало (с каким упоением сыновья работают на сенокосе!), но нет хозяйственной рачительности, они, по меткому замечанию соседа Олександра,

*...как-то смотрят на всё беспечно,
Как бабы в городе на дрова.*

Перед матерью (и деревней) сыновья испытывают чувство вины за то, что уехали из родного дома, выхолостили его. И начинаются рассуждения о вековых корнях, отцах и дедах, судьбе родины:

*Кто мы? Откуда? Из Нова ли града?
Чудь заволочская ли из лесов?
Где наши дедичи? Где их ограды?
А по Руси – до её полюсов!
Всюду они – земляки мои – всюду...*

И прошлое снова осеняет настоящее своим благородным величием – Швецов, кажется, мучительно ищет разгадку событий современности в глубине столетий...

От трагизма в жизни – к историзму в поэзии

Эти поиски будут продолжены после. Хотя в книге «Золотое крыльцо» (1993) драматизм 90-х почти не ощущается (рукопись несколько лет лежала в издательстве), поэт Александр Романов в предисловии к сборнику точно подметил: «Александр Швецов, пожалуй, вернее других вологодских поэтов чувствует, как трагизм в жизни вызывает к историзму в поэзии. Вот и книга эта – голоса, слышимые нами через века. И русская история в ней совершенно живая – она движется не от нас, а к нам и в нас. Мы видим не спины уходящих, а лица людей, спешащих будто бы на помощь, на выручку к нам и, возможно, на устыжение нас в нынешней духовной слабости и растерянности». Интересное наблюдение. Нечто подобное о движении судьбы человечества и судьбы отдельной личности можно найти в знаменитом бердяевском «Смысле истории». Великий философ отмечал, что «не может быть противоположения человека и истории, духовного мира человека и великого мира истории». Александр Швецов идёт от личного, частного и, выходя на обобщения, пытается по-своему осмыслить судьбу страны.

В лиро-эпике Швецов продолжает две темы: историческую и деревенскую. Поэмы «Новгородцы» и «Мам-пу» современному человеку, не имеющему специальной подготовки, читать непросто: необходимо обращаться к комментариям, а иногда даже – к историческим источникам. Дело в том, что автор ставит во главу угла не общеизвестные факты, а любопытные детали, которые по тем или иным причинам не получили широкого распространения. Например, об Александре Невском многие знают, в первую очередь, как о великом полководце, одержавшем принципиальные победы в Невской битве в 1240 году и в Ледовом побоище в 1242 году. Швецов открывает для читателя ещё одну важную грань деятельности полководца – дипломатическую.

В «Мам-пу» действие происходит в 1367 году. Понятие «мам-пу» в коми языке означает материнское дерево (ель). В основе сюжета – «мысленный бег» зырянского волхва Памы, который размышляет о русском народе и коми, сопоставляя их на основе образов ели (коми) и берёзы (русские). Автор подчёркивает своеобразие уклада жизни коми народа, его фольклора и культуры в целом.

Поэма «Держава» переключается с «Деревенским дневником». Здесь – та же боль о том, что для молодого поколения родная деревня становится чужой. В «Деревенском дневнике» детей пытаются вразумить мать, в «Державе» – отец:

*Нет, ребята – не лентяи,
зря хулу не наведу.
Только нет великой тяги –
чтобы с выдумкой! – к труду.*

*Нет у них той силы жадной,
безоглядной в чем-то пусть,
что я сам зову державой
и всю жизнь её держусь.*

Понятие державы по ходу развития сюжета трансформируется из узкого значения («жадной силы», за которую можно ухватиться) в более широкое (держава – страна, хранительница традиций). Сын, уезжая из деревни, теряет опору (державу), и при этом Родина (держава) сама остаётся без поддержки.

Поэма-сказка «Олух царя небесного», отличающаяся оригинальным сюжетом, проникнута завораживающим огнём язычества. Сказка динамична и заканчивается, по законам жанра, счастливо.

Слово о «Слове»

Александр Швецов с неиссякаемой исследовательской энергией работал над проблемой авторства «Слова». Удивительное дело: человек, не имеющий даже филологического или исторического образования (поэт окончил естественно-географический факультет ВГПИ), погружается в проблему, над которой не одно столетие ломают головы академики и профессора словесности. Итогом кропотливой работы стала монография «У истоков русской тайнописи», написанная в соавторстве с В.Маркеловым и Г.Черепанниковой и изданная в 1994 году.

В чём же новизна швецовского подхода? Вероятно, в рассмотрении выдающегося древнерусского произведения не как светского памятника, а как «русско-православного слова». Большое внимание авторы уделяют личности Климента Смолятича – русского книжника и мыслителя XII века. В швецовском комментарии «Слова» сойдутся многочисленные текстовые параллели с неоспоримыми трудами Климента Смолятича.

Научная деятельность Швецова – тема для отдельного разговора. Всё-таки поэт и учёный в одном лице – явление довольно редкое. Швецов в письме Владимиру Кудрявцеву признавался, что монография «хоть медленно, но всё-таки работает». Книга и сейчас востребована как «узкими» специалистами, так и всеми теми, кто проявляет интерес к древнерусской культуре.

На своём последнем рубеже

Последнее десятилетие XX века стало последним и в земной жизни Александра Швецова. Оно было непростым. На эти годы выпали страшные потрясения в стране и её распад – самая ужасная геополитическая (и культурная, конечно, тоже) катастрофа столетия. Поэт-патриот не мог оставаться равнодушным к происходящему. Трагедия страны и трагедия человека соединились.

На события августа 1991-го, провал путча, поэт отреагировал оперативно:

*Не замолить своей вины,
«Народ безмолвствует...»
В итоге
нет ни Закона, ни страны,
а их защитники – в остроге.*

«Август»

Поэт каким-то особым внутренним чутьём осознаёт близость и своего ухода. Об этом свидетельствуют стихи 1991 г.: «Что оставлю – одну неустроенность? – сыну...», «Мне ещё продержаться бы только годок...», «Завещание» («Ты спасёшь меня от палачей...»), «Если умру – увезите в родное Поповское...»

Начало 90-х стало для Швецова своеобразным рубежом (это понятие все чаще используется по-этом). Причём, как это не раз уже бывало, понятие в рамках одного стихотворения двузначно (рубеж в собственной жизни и рубеж как граница страны). Поэт готов быть сторожевым, жертвовать личным благом, ждать «тыщу лет»,

*Лишь бы охранить без мандража
Неприкосновенность Рубежа...
«Рубеж»*

Характерна орфография: когда поэт пишет о своём рубеже, употребляет строчную букву, о Рубеже страны – заглавную. В первоначальном газетном варианте этого стихотворения первая строфа была длиннее на две строки:

*Старый тополь. Старая скамья –
Вся Россия, Родина моя.
И стоять мне до конца рубежа
На своём последнем рубеже
С кулаками, с кухонным ножом –
На аэроПЛАН над Рубежом.
«Рубеж»*

Поэт видел трагедию русского народа, растерзанного «перестройкой», когда миллионы русских в одночасье оказались в другой стране, видел страшный разрыв духовных связей, когда «новоэтнографы»

*Раскроили слово «этнос»,
как какой деликатес.
«Неоэтнографы»*

И вынес свой вердикт эпохе:

*Такое время – ложь и суета.
«Мы говорим, что жизнь не удалась...»*

Быть оболганными суетливыми руководителями страны – незавидная доля. Но именно она досталась русскому народу. Рубеж оказался роковым.

Тревога хорошо ощущается и в публицистике Швецова, представленной множеством статей,

зарисовок, очерков, заметок... О том, что эта грань творчества не была для него какой-то побочной, второстепенной, а имела большое значение, сам поэт говорит в письме Александру Цыганову: «Заметки вот закончил для газет <...> Для меня это тоже очень важно. Хорошо бы – коль прошли». Обычно писательская публицистика имеет эмоционально-образный характер, у Швецова, наоборот, – преобладает понятийно-логическое начало. Автор аргументированно доказывает тезис, опираясь на авторитетные мнения. В целом ряде статей прослеживается мысль о необходимости возвращения на родину русской философии, о своеобразии русской культуры, глубоко национальной по существу. Интересны (и главное – своевременны) рассуждения Швецова о патриотизме: «Радикально в сознание наше внедряется мысль о том, что патриотизм и прогресс несовместимы, что патриотизм – это косность, пережиток и консерватизм, мешающий радикальным переменам – демократии (по западному образцу, конечно)». Спеша семимильными шагами в «счастливое будущее», как это было не единожды в истории, страна растеряла свою самобытность. А выбор у страны был, по Швецову, «между сырьевым придатком западного капитала в новом разделе мира и традиционной государственностью». К сожалению, власть предпочла первый вариант. И последствия этого недалёковидного шага ощущаются по сей день.

...Последним прижизненным стихотворным сборником Швецова стала восьмистраничная брошюра с интригующим названием «Ворожба» (1994). Её костяк составили стихи 90-х годов. Многие из них войдут и в посмертный, но подготовленный самим Швецовым сборник «Холмы» (2002). Первое беглое знакомство с «Холмами» позволяет сделать такой вывод: поэт сознательно представил своё творчество в контексте творчества других близких Швецову авторов – почти каждое стихотворение имеет посвящение или эпиграф. Детальное знакомство со сборником ещё более усиливает это впечатление. Реминисценции можно обнаружить во многих стихотворениях. Пушкин, Блок, Есенин, Рубцов – все они незримые «собеседники» Швецова. Прошлое, настоящее и будущее, кажется, переплетается настолько, что теряются грани между ними. Кстати, литературовед Вячеслав Белков подметил интересную деталь: под стихотворением «Послесловие» стоит дата «19 октября 1999 года» (Александр Швецов погиб 7 октября). Что это: обычная опечатка или стремление заглянуть в будущее?

Сквозняки времени вольно гуляли по всему творчеству Швецова. Сам он считал себя несовременным, но, например, хорошо его знавший поэт Владимир Кудрявцев утверждал, что Швецов был «обострённо современным человеком». Затворническая жизнь не мешала ему тонко чувствовать своё время – время, в которое он существовал.

Швецов, конечно, понимал, что сборник – не просто совокупность текстов, а некое художественное единство, имеющее свою внутреннюю логику. И в этом смысле интересны первое и последнее стихотворения сборника. Они – о Швецове. Первое – «Досье»: краткая автобиография-характеристика. Заключительное – «Послесловие» с романтически-несбыточным желанием «уйти в Шервудский лес». Образ благородного средневекового разбойника оказался близким современному поэту...

«Холмы» справедливо рассматривать и как завещание (напутствие читателям, потомкам), и как итог творческой жизни. Что же в этой книге итогового? Швецов в «Холмах» представлен многопланово: есть здесь и исторические этюды («Клименть Смолятич», «Предтеча», «Воля», «Княгиня Евдокия»), и ранние иронические стихи («Нетужило»), и трагедия современности («Круговорот», «Неоэтнографы», «Журналисту Валерию Ляпину», «Декабрь-91», «России 90-х» и др.). И наряду с этим в поздней лирике Швецова начинает проступать какая-то философская отрешённость. Показательно в этом смысле стихотворение «Холмы»:

*...И бессилие вновь,
И всё то же безверие.
Вьётся пыль над холмом,
Да на холм не взойти.*

Распространённый у Швецова образ ветра сменяется безветрием, вера – безверием, деятельность – бессилием. Какое-то смирение перед неизбежностью.

Стихотворение – название сборника – по-своему программно: в жизни и творчестве Швецова было много преодолённых холмов, но всё в этом мире конечно, как движение крыльев мельницы, так и существование человека на земле. «Холмы» – взгляд зрелого поэта на вечные вопросы бытия. В стихотворении нет указаний на конкретные исторические события или лица, время...

А вот швецовский взгляд на жизнь из 80-х:

*Казалось бы, жизнь-то простая...
Но чувствую: зря говорю.
То грешником в землю врастаю,
То ангелом в небе парю.
И так до гибели с нами...
А после откроемся ей
Не этими – в глине – корнями, –
А звоном и шумом ветвей!*

«Казалось бы, жизнь-то простая...»

Стихотворение вошло в сборник «Холмы». В посмертной книжке смысл этих строк неизбежно проецируется на судьбу самого поэта, погибшего в 48 лет...

* * *

В официальных сообщениях о произошедшем говорилось: «Печальная весть пришла из Сокола: в ночь на 7 октября трагически погиб известный вологодский поэт Александр Швецов. Утром его обнаружили мертвым у дома № 69 по ул. Шатенево». Шёл 1999 год.

15 лет спустя мало что изменилось в этом окраинном микрорайоне города Сокола, который в народе по-прежнему называют «трубками». Кажется: не властны годы над такими провинциальными городками, где почти все друг друга знают в лицо.

Знают здесь и Швецова. Читают стихи, изучают на уроках внеклассного чтения, проводят вечера памяти. Со временем открывается масштаб этой удивительной творческой личности, без которой уже трудно сегодня представить литературный процесс Вологодчины (да и всей России) во второй половине прошлого столетия...

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М. – 1990.
2. Дмитриев И. Оборвалась верёвка... и жизнь // Вологодская неделя. – 1999. – 14-21 окт.
3. Елесин В [Рецензия] // Красный Север. – 1979. – 6 мая.
4. Есенин С.А. Собрание стихотворений (репринтное воспроизведение издания 1926 года). Т. 1. – М. – 1994.
5. Каменев В. Крылатая душа // Красный Север. – 1982. – 5 нояб.
6. Кудрявцев В. «И всё созидающий зодчий, И всё разрушающий гунн...» // Сокольская правда. – 2011. – 1 июля.
7. Оботуров В. Живые предания // Вологодский комсомолец. – 1979. – 20 мая.
8. Пудожгорский В. Своя дорога // Красный Север. – 1980. – 5 сент.
9. Рубцов Н.М. Избранное. – Смоленск. – 2002.
10. Спрут А. За солнечным дождём // Сокольская правда. – 1968. – 19 окт.
11. Старшинов Н. В пятидесятых рождены // Правда. – 1979. – 17 марта.
12. Швецов А.С. Август // Сокольская правда. – 1991. – 28 сент.
13. Швецов А.С. Ворожба. – М. – 1994.
14. Швецов А.С. Деревенский дневник. – Архангельск. – 1982.
15. Швецов А.С. Золотое крыльцо. – Вологда. – 1993.
16. Швецов А.С. Консерваторы и радикалы.

- Проблемы и суждения // Сокольская правда. – 1989. – 20 окт.
17. Швецов А.С. Крылатый снег. – М. – 1979.
 18. Швецов А.С. На своём последнем рубеже: из новых стихов // Сокольская правда. – 1993. – 10 августа.
 19. Швецов А.С. Направо пойти, налево пойти... // Сокольская правда. – 1991. – 15 марта.
 20. Швецов А.С. Письмо Александру Цыганову от 11.03.1988 // Сокольский районный музей. НВФ 2638/1.
 21. Швецов А.С. Северные заруби. – Архангельск. – 1980.
 22. Швецов А.С., Маркелов В.С., Черепанникова Г.А. У истоков русской тайнописи. – Сыктывкар. – 1994.
 23. Швецов А.С. Холмы. – Вологда. – 2002.

Артём Михайлович КУЛЯБИН*родился в 1983 году.**Окончил филологический факультет**Вологодского государственного педагогического университета,**аспирантуру при кафедре литературы ВГПУ.**Кандидат филологических наук.**В настоящее время работает журналистом**в газете «Сокольская правда».**Сфера научных и творческих интересов –
литературный процесс и публицистика периода**Великой Отечественной войны,
литературное краеведение.**В журнале «Север» публикуется впервые.*